

Мне кажется, что опыт классических литературных традиций сегодня переживает некий ренессанс. И это тем более отрадно, что интерес к гуманистическим и антропоцентрическим воззрениям поддерживает молодое поколение. Последнее мы можем отчётливо видеть на примере новой книги молодого челябинского прозаика – Виктории Ивановой.

Центральной темой всех без исключения произведений сборника «Утренний дом», выстроенного концептуально, является человек. Со всеми его проявлениями в плохом и хорошем, извечным поиском смыслов и неистребимым стремлением обрести счастье. Самый мощный же, сквозной концептуальный мотив данной книги можно обозначить простым и вместе сложным вопросом: «что может быть дороже человека?»

Открывает книгу рассказ «Трамвай». Здесь нет ярко выраженного сюжета и остро обозначенного конфликта. Центральный конфликт этого произведения – сугубо внутренний – у главной героини. Внутренний и, где-то, философский: жизнь стремительным маршем проходит мимо Светки, и героиня чувствует это, жаждет перемен, но является заложником сугубо внутренних же обстоятельств. Мы знаем, что всё в наших руках. Мы и только мы творцы своей судьбы. Сколько раз мы повторяли и повторяем эту замечательную формулу, ждём понедельника, чтобы начать новую жизнь. Понедельник приходит. Проходит. Уходит. Мы ждем следующего понедельника. И так было уже много раз!.. Светка уже успела загрузеть на своей работе, но за этим доспехом скрыта тонкая, романтическая натура, которая все ждёт чуда. И перемен. Новелла заканчивается так: «*Как хорошо жить и дышать. Это ведь чудо. Просто жить и дышать. <...> Вот приеду домой, всё поменяю, слышишь? Всё изменю! Будут нам яркие звёзды*». Поменяет ли? Чем взрослее читатель, тем с большей нотой грусти предполагает: «Вряд ли». Но это не важно. Важна жизнь! Во всех её проявлениях. Человек, верящий в чудо, верящий в перемены, – живой человек. А лично я хочу верить, что Светка всё ещё изменит и дождётся ярких звёзд!

Проза Виктории Ивановой насыщена деталями. В большей степени это касается малосюжетных вещей. В рассказе «Усатые часы» скрупулёзная детальность не только призвана в декорации. Здесь это ещё и специфический приём, при помощи которого реализуется сам сюжетный замысел. Основная линия рассказа – нескончае-

мое, мучительное ожидание маленькой девочкой любимой мамы. Пока она ждёт мамочку, читатель, вместе с героиней, имеет возможность познакомиться с этими деталями и прожить то самое мучительное ожидание. Ожидание, которое ещё и не оправдалось. По косвенным штрихам становится известно, что с родительницей героиня не всё обстоит благополучно социально. Но какое это имеет значение для тех, кто ещё не в полной мере умеет понять, «что такое хорошо и что такое плохо»?! Тем, кто любит всем своим маленьким, но горячим сердечком и кроме мамы не знает другого идеала?..

Безусловным флагманом книги «Утренний дом» является произведение «Трухлявый пенёк». Рассказ отличает высокий класс художественных решений: «*Ветер увёл за собой тяжёлые серые глыбы туч*»; «*И храм будто стряхнул с себя печаль, омылся людской заботой, воспрянул духом*»; «*Впереди узорилась деревня, рядом на берегу пруда вытянулся переживший бурю кирпичный храм Архангела Михаила с трапезной, пристройкой и обломками каменной ограды. А над берёзами высились чёрное разбитое пятиглавие и покосившаяся немая колокольня*». Произведение это, довольно масштабное по замыслу и очень мощное, объединяет в себе несколько сюжетных линий. Линия с маленькой девочкой Таей, из бедной семьи, открывает неприглядные моменты детских взаимоотношений, за которые можно испытать неловкость, – думаю, многие могут вспомнить что-то похожее из детства, как чинили обиды тем, кто «не такой» или кто слабее, вспомнить и то, как сами испытывали огорчение, терпя притеснения от тех, кто старше и сильнее. Другая линия связана с Раисой Ивановной – мамой маленькой героини. Про таких иногда говорят «не от мира сего», – есть в этом персонаже, не способном заступиться за собственную дочь, что-то от юродивой. Внутренний психологический конфликт этого действующего лица решается не просто сложно, но через душевную боль, через тяжёлое испытание. Третья линия выстроена вокруг возрождения местного храма. Религиозно-церковная тема, в сущности, здесь центральная, и через неё транслируется главное идейное ядро – духовное возрождение через любовь, прощение, жертвенность: «*Тебя ангел-хранитель привёл сюда для Божьего дела, ты начала храм строить и не заметила, что храм строится внутри тебя. <...> Бог, Раиса Ивановна, любит каждого и всегда готов помочь в добрых делах*».

Лирические этюды, объединённые в миницикл «Двенадцать с хвостиком», – особенные произведения. Это своего рода поэзия в прозе. Основным лейтмотивом через всю подборку самостоятельных, но связанных единой нитью этюдов протянулась музыка женской души – в самых разнообразных её обертонах и порой интимных глубинах. Сама концепция «Двенадцати», вероятно, связана с цикличностью душевного состояния, которое, как времена года, может быть летним, осенним, весенним... Возможно, именно для того чтобы подчеркнуть эту цикличность, эту переменчивость души, автор прибегает к некоторой стилизованной неравномерности. В этой подборке отсутствует как таковой сюжет, как ненужный, в данном случае, рудимент – всё, что душа хотела сказать, она сказала без помощи сюжета. Развитие событий происходит неспешно, в нём много пассивного, созерцательного, но одно можно сказать уверенно – лирическая героиня ждёт. Ждёт, возможно, не осознавая. Душа её неспокойна, взволнована, временами напряжена. Она ждёт! Чего? Счастья? Странно, но это не такой уж простой вопрос здесь. Наверное, счастья. Но может, и большего?..

На протяжении всего повествования мы встречаем редкие диалоги. Декорации же, которыми автор уделил значительное внимание и отдельные элементы коих развил до тонких деталей, временами обладают функциями не только декораций. Они – декорации – словно бы приобретают качества живых существ и начинают непосредственно участвовать в определённых событиях.

Общий концепт всей лирической подборки «Двенадцать с хвостиком» обусловлен философской подоплёкой, которая ненавязчиво вплетена по ходу повествования. Философские выкладки нехитры по-девичьи, но суть их, наводящая на размышления: чего же хочет женская душа – счастья или чего-то большего, – наверное, один из основных авторских замыслов, рассуждающих о том, какую внутреннюю глубину может скрывать простота суждений женской души.

Для читателя очевиден возраст лирической героини. И этот возраст юн. Это та пора, когда душа пытается добиться счастья, и это временами удаётся, но остаётся столько вопросов: «а это то счастье?», «если то самое, то счастье ли?», «а хочу ли я именно такого счастья?», «быть может, есть что-то помимо счастья – нечто большее?» Возраст, когда хочется всего и сразу. Такая душевная неустроенность лирической героини, вероятно, и продиктована обилием холодных полутонов, как при описании душевных состояний героини, так и декораций: «Я опускаю ноги на студёный пол. Потираю руки, чтобы согреть их... шмыгаю носом – снова простуда и холод!»; «Почему у тебя всегда

(всегда!) горячие руки, а у меня, наоборот, холодные?».

Этот цикл, лишённый сюжета, порой воспринимается как попытка выговориться, как некая потребность обнажить определённые тайники души, что позволит отворить ту энергию, которая выходом своим придаст ощущение внутренней свободы. Слегка перефразировав Жюль Ренара, можно сказать, что проза – лучшая модель диалога с читателем, поскольку собеседник (читатель то есть) не может прервать оратора (писателя).

Одно из главных достоинств подборки – обрзанность языка, его выграненная метафоричность, его музыкальность. Музыкальность же – в особенной степени, с яркой эмоциональной составляющей, которая в определённой мере призвана заменить сюжетный компонент. Музыка метафор, в основном плавная, временами принимает и взрывные свойства, и определённая экспрессия, как необходимый инструмент подчёркивания состояний, присутствует. В этом плане интересна и показательна миниатюра «Нелюбимые», где героиня, вероятно, чем-то чрезмерно расстроенная, может, и обманутая (не обязательно в чувствах), очень уж зла, неприветлива и несправедлива к другим, в аллегоричной форме пытается «отыгаться» на ком-то, кто и не виноват. А виноват, возможно, тот, кто дал ощутить весь комплекс негативных эманаций, обозначенных в миниатюре. Героиня столь захвачена, что, быть может, и не сопоставляет, что подобное неприятие чужих, но ни в чём не виновных, может равняться неприятию себя, вплоть до неприятия Бога. Сама героиня это понимает, но не желает прибегать к рассудку, полностью отдавая голосу обожжённого сердца, которое хочет осуждать, хочет обличать: «Могут слепить кораблик с алыми парусами, подражая автору, но чуда нелюбимые никогда не сошьют. <...> Нелюбимые бестелесны. Они мертвы. У них нет рук, нет губ, даже запаха у нелюбимых нет. Они бестолковые призраки – через них можно пройти, на них можно наступить – секундный холод»; «Нелюбимые ничего не меняют, только лгут». И словно контрастом выступает буквально следующая миниатюра «Спой мне», своеобразным зарифмованным построением обнажающая внутреннюю потребность нежности, сердечного тепла.

Другой этюд – «Сломанное» – в какой-то мере как некая экспериментальная вставка. Воспринимается как мало контролируемый поток сознания, рождая ассоциативные связи: «Я твоя, ушедшая, – два года жизни на четырёх гигабайтах»; своеобразные подсознательные и опять-таки ассоциативные образы: «Паяцы пляшут на чёрном диване. Я смотрю на них, а они дают меня пустой коробкой, ковывают укусы на теле», и в особенной мере

фрагмент: *«Ничего не было, в мусорной корзине извёстка разбавлена. Съедает, съедает мои ладони. А ты жми, жми, может быть, в своей проклятой погоне ты поперхнёшься игрою. А мною корзина прилажена, поглажены занавески и ставни покрашены. Книжки новые мною приставлены. Протяни свою руку в эту едкую уютную известь, открой первый попавшийся экземпляр – обменяем тела на товар, чтобы по совести. Видишь? Видишь? Смотри же. Как Чехова строки расплылись».* При этом вся миниатюра словно бы решена в некой хаотичной манере.

Дальнейшие этюды вновь временами сходят на поток сознания, например миниатюра «Об осени», являющая раздражённым своим настрое-

нием шагом к апатии. Сложной игре душевных состояний, музыке слова автором уделено значительное внимание. Атмосферно выстроенная канва ближе к финалу (особенно в последней миниатюре «Хвостик. Это мы») уходит в метафизическое пространство.

Книга «Утренний дом» – серьёзная заявка на современном небосклоне русской прозы. Насколько удастся сохранить лучшие традиции русской литературы на новом витке развития, настолько уместным будет говорить о новом стратегическом оружии в нашей культуре. Ценителям высокого литературного качества предлагается.